

УДК 81'367.635; 811.411.16

Кондракова Ю.Н.

Государственная классическая академия им. Маймонида (г. Москва)

**ОТРИЦАНИЕ ПРИ ИНФИНИТИВЕ В СОВРЕМЕННОМ
ИВРИТЕ (В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ СЕМИТСКИХ
И ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ)***

Часть I: частицы ׀ל и ׀ל

Yu. Kondrakova

State Classical Maimonides Academy (Moscow)

**NEGATION BEFORE THE INFINITIVE IN MODERN HEBREW
(IN THE CONTEXT OF THE HISTORY OF THE SEMITIC AND
INDO-EUROPEAN LANGUAGES) PART I: PARTICLES ׀ל AND ׀ל**

Аннотация. В данной статье рассматривается образование сочетаний отрицательных частиц ׀ל и ׀ל с формами инфинитива в современном иврите. Дается грамматическая характеристика инфинитива в современном иврите в сопоставлении с семитскими и индоевропейскими языками. Устанавливаются особенности происхождения данных частиц в рамках истории семитских языков и проводятся аналогии между ивритскими отрицательными инфинитивными конструкциями с аналогичными явлениями в индоевропейских языках с целью определения алгоритма их перевода.

Ключевые слова: отрицание, отрицательные частицы, иврит, перевод.

Abstract. The article speaks about the formation of a combination of negative particles ׀ל and ׀ל with infinitive forms in Modern Hebrew. It describes grammatical feature of the infinitive in Modern Hebrew in comparison with Semitic and Indo-European languages. The features of the origin of these particles are established in the history of Semitic languages and the analogies between the Hebrew negative infinitive constructions with similar phenomena in the Indo-European languages in order to determine an algorithm for their translation are given.

Key words: negation, negative particles, Hebrew, translation.

Как известно, отрицание – одна из свойственных всем языкам мира исходных, семантически неразложимых смысловых категорий, которые не поддаются определению через более простые семантические элементы. Отрицание – элемент значения предложения, который указывает, что, по мнению говорящего, связь, устанавливаемая между компонентами предложения, реально не существует, или что соответствующее утвердительное предложение отвергается говорящим как ложное. Чаще всего отрицательное высказывание делается в такой ситуации, когда соответствующее утвердительное было сделано ранее или входит в общую презумпцию говорящих.

Категория отрицания глагола в современном иврите представлена многообразием сочетаний различных отрицательных частиц и глагольных форм. Наиболее интересным, на наш взгляд, представляется сочетание отрицательных частиц с формами инфинитива. В данной статье мы рассмотрим, как изменяется семантика инфинитива в современном иврите, если он употребляется с отрицательной частицей, аналогом каких грамматических форм в семитских и индоевропейских языках можно считать эти сочетания, а также попытаемся рассмотреть историю возникновения.

Чтобы определить возможности сочетаемости отрицательных частиц с инфинитивом в современном иврите, сначала рассмотрим особенности данной глагольной формы в семитских языках в сопоставлении с индоевропейскими.

* © Кондракова Ю.Н.

В индоевропейских языках инфинитивом, как правило, считается неопределённая форма глагола, представляющая его вне лица и числа [2, 19]. Но при этом индоевропейский инфинитив может иметь временное и видовое различие. Например, в латинском языке было шесть инфинитивов: настоящего, прошедшего и будущего времени активного и пассивного залогов [7, 163].

В семитских языках инфинитив относится к «промежуточным» (между глаголом и именем) типам слов [2, 186]. В арабском языке к такому типу слов относятся *имена действия*, которые по своему значению являются «абстрактным названием самого действия (как производимого, так и воспринимаемого), либо переживаемого состояния, но без характеристик, присущих спрягаемым глагольным формам (лицо, время и др.). По значению арабское имя действия близко к инфинитиву, по форме и по своему употреблению оно является именем» [2, 187].

В эфиопском языке имеется два инфинитива. «Один из них, называемый *именным* инфинитивом, носит характер имени действия приблизительно в том же смысле, что арабское имя действия, т.е. может быть подлежащим, дополнением, может подчинять имя в значении родительного падежа, может употребляться после предлогов. <...> Другой инфинитив, называемый *глагольным*, носит характер глагола без указания на время и лицо» [2, 189].

В библейском иврите существовало две формы инфинитива: *абсолютный инфинитив* [6, 253] и *склоняемый инфинитив* [6, 213].

В современном иврите, как и в библейском, также существует два инфинитива. Так, например, для ряда глаголов (относящихся к породе על) «один из них, образованный по модели qatōl , называется «*infinitivus absolutus*» [3, 188], абсолютный (или абстрактный) инфинитив [4, 52]. «Он употребляется в тех случаях, когда не обозначена связь с непосредственно следующим за инфинитивом именем. Чаще всего он употребляется при спрягаемой форме глагола для усиления его

значения. Именно характера этот инфинитив не имеет» [3, 188]. Второй инфинитив, «образованный по модели q'ōl », называется «*infinitivus constructus*» [3, 188], склоняемый (сочетаемый, конкретный) инфинитив [4, 55]. Этот инфинитив «носит явно именного характера», то есть он может «иметь при себе другое имя в родительном падеже, либо местоименный суффикс»; он может, «подобно имени, употребляться в значении родительного падежа после другого имени, а также после предлога. В то же время, подобно глаголу, этот инфинитив может управлять винительным падежом объекта» [3, 188].

Говоря об этих двух видах инфинитива, следует отметить, что в современном иврите отрицание, как правило, встречается при склоняемом инфинитиве.

Частица ל – «не». В сочетании с инфинитивом данная частица образует *отрицательную форму императива*. При этом обязательно употребляется предлог ל с местоименным суффиксом для обозначения субъекта действия (в русском языке имеет значение дательного падежа). Такие выражения обычно имеют значение запрета «нельзя».

1. $\text{ולא תבשב לבקל וללא לבא, ולמלשל רתום. וימי הסכה ויא יכ מולשתה לע הלבק שקבל ול רוסא יאדוו, והלוחה קרוצ מושמ הזב}$

Mutar lešalem lo aval al lo lekabel bešabat et odef hakesef miyado, uvaday asur lo levakeš kabala al hatašlum ki eyn beze šum corex haxole.

Разрешается заплатить ему, но в субботу **нельзя получать** сдачу из его рук, и, конечно же, нельзя требовать квитанцию об оплате, поскольку в этом нет необходимости для пациента.

[Электронный ресурс: <http://www.medethics.org.il>]

$\text{זו מיכירצ ונחנאש המ: תאז רמולמ קייעתהל ונל לא. דבלב תמאהו, תמאה}$

Al lanu lehit'ayef milomar zot ma šeanaxnu crixim zo haemet vехаemet bilvad.

Мы не должны уставать, повторяя это: что нам нужно – это правда, и только правда.

[Электронный ресурс: <http://www.pitgam.net>]

3. אוה דחפה. הניבה לטוק אוה דחפה. דוחפל יל לא. טלחומ וויליכ איבמה נטקה תוומה.

Alli lifxod. Naraḥad hu kotel habina. Naraḥad hu hamavet hakatan hamevi kilayon muxlat.

Я не должен бояться. Именно страх убивает разум. Страх – это маленькая смерть, которая ведет к полному уничтожению.

[Электронный ресурс: <http://www.pitgam.net>]

И в современном, и в библейском иврите также встречается конструкция, где לָל употребляется с формой будущего времени в значении отрицательного императива:

. ינממ קלת לא...

Al telex timeni...

Не уходи от меня...

[Электронный ресурс: <http://www.shiron.net>]

2. רבוע יוסב לוכשה יל דיגת לא קר.

Rak al tagid li šehakol basof over.

Только **не говори** мне, что все в конце концов проходит.

[Электронный ресурс: <http://www.shiron.net>]

3. קילע עיפשהל תעפשל ותית לא.

Al titen lašapaat lehašpia aleyxa.

Не позволяй группе повлиять на тебя.

[Электронный ресурс: <http://www.alummot.co.il>]

Можно предположить, что в иврите отрицательные инфинитив – императив – будущее время представляют собой некий грамматический треугольник. Данные формы в определённых синтаксических ситуациях могут функционально и семантически дублировать друг друга. Подобное явление, по мнению Э. Бенвениста, наблюдается и в истории индоевропейских языков [1, 162-164].

Сама же отрицательная частица לָל – довольно древняя и, возможно, восходит к прасемитскому языку. Так, например, уже в аккадском языке, наряду с полифункциональной отрицательной частицей *la* («не»), существовала частица *ul* (*u-il, ula, ulla, uli*) («не»). Сфера её употребления распростра-

нялась на самостоятельные предложения, общие вопросы, изредка *ul* употреблялась в условных и временных конструкциях. При этом данная отрицательная частица всегда была приосновной и не использовалась для выражения отрицания перед отдельными словами [5, 127]. Аналог этой частицы встречается и в некоторых других семитских языках. Например, в *угаритском* языке отрицательная частица *al* употребляется преимущественно при запретах [8, 226].

Другая отрицательная частица, которую мы рассмотрим в данной статье, – אִין («не», «нет»). Она также употреблялась с инфинитивом для выражения запрета:

1. הפצר לע מידמוע רשאכ ילמשח רישכמב תעגל ויא הבוטר.

Eyn lagaat bemaxšir xašmali kaašer omdim al ricpa retuba.

Нельзя трогать электрический прибор, стоя на мокром полу.

[Электронный ресурс: <http://www.amalnet.k12.il>]

2. ויינבב ושעל ויא; הדבעמב תותשל וא לוכאל ויא (הללכב ושעל נכוסמו).

Eyn leexol o lištot bamaabada eyn leašen babinyan umsukan leašen bixlal eyn laavod levad bamaabada.

Запрещается есть и пить в лаборатории, курить в здании (и опасно курить вообще); и работать в лаборатории в одиночестве.

[Электронный ресурс: <http://chem.ch.huji.ac.il>]

3. הרצק תיאצחב תכלל ויא, לארשי תב.

Bat israel, eyn lalexet baxacait kcara.

Дочь Израиля, **нельзя носить** короткую юбку (ходить в короткой юбке – дословно).

[Электронный ресурс: <http://www.haredim.co.il>]

Частица אִין, как и לָל, возможно, восходит ещё к прасемитскому языку. В аккадском языке, для формы «ветитива» (отрицательного пожелания) использовалась частица *aj* в сочетании с претеритом [5, 81]. В современном иврите אִין также по значению является

отрицательной формой бытийного глагола. Таким образом, в противоположность: - שׁיב הַיב *yeš bait* («есть дом») – можно сказать הַיב אֵין – *eyn bait* («нет дома»). При этом, как и в русском языке, אֵין не является отрицанием при бытийном глаголе (как, например, в английском *not (no)*), а выполняет функции отрицательного глагола. Но, в отличие от русского языка, אֵין в сочетании с инфинитивом имеет грамматическую антонимичную пару с тем же бытийным глаголом. В этой модели значение אֵין – «нельзя, не следует» – антонимично значению שׁי («следует»).

1. בותכל שי...דיגהל וַיֵּא.

Eyn lehagid... yeš lixtov.

Не надо говорить...следует писать.

[Электронный ресурс: <http://www.bbeauty.co.il>]

2. מילמב הראתל ילוא יאדכ, יפוי לע רבדל וַיֵּא אַא. וְקַמוּעַל וְהִילַע בּוֹשַׁחלוּ, "בל תמושת".

Im eyn ledaber al yofi keday ulay letaera bemilim tsomet lev velahšov leomkan.

Если **нельзя говорить** о красоте, **стоит** описать ее словом «внимание» и **вникнуть** в его глубину.

[Электронный ресурс: <http://readingmachine.co.il>]

3. וְשׂאָר טײַדב רבדל שי המ לע.

Al ma yeš ledaber bedeyt rišon?

О чем **следует говорить** на первом свидании?

[Электронный ресурс: <http://sf.tapuz.co.il>]

Частотность употребления отрицательного императива модели «אֵין + инфинитив» значительно выше, чем модели «אֵל + инфинитив» (по произведённой оценке, частота употребления этих форм в Интернете соотносится как 88% к 12%).

Кроме того, модель запрета «אֵין + инфинитив» употребляется только в безличных конструкциях без косвенного указания на субъект, в то время как в конструкциях «אֵל + инфинитив» субъект (в дательном падеже) должен быть указан. Таким образом, конструкции со значением отрицательного императива модели «אֵין + инфинитив» наиболее

близки общеиндоевропейскому императивному значению инфинитива (например, «не спать!», «не спорить!»).

Рассматривая сочетание отрицательных частиц אֵל и אֵין с инфинитивом, следует вспомнить, что подобные примеры встречаются и в индоевропейских языках. Например, в классической латыни значение запрещения передавалось сочетанием отрицательного глагола *noli(te)* с инфинитивом: *noli ornare* (не украшай! (дословно – не желай украшать!)) [7, 18]. Такие сочетания были семантически неделимыми и представляли аналитическую форму отрицательного императива. При сопоставлении данных форм с аналогами в современном иврите возникает вопрос: следует ли также считать сочетания «אֵל + инфинитив» и «אֵין + инфинитив» аналитической формой отрицательного императива в иврите? Учитывая тот факт, что императивное значение ивритский склоняемый инфинитив получает лишь в соединении с данными отрицательными частицами, можно сказать, что сочетания אֵל + инфинитив и אֵין + инфинитив являются аналитическими формами. Между тем следует отметить, что абсолютный инфинитив, в отличие от склоняемого, мог принимать императивное значение без отрицания, аналогичное русскому (ср.: «Встать! Молчать!») [4, 53].

Главным отличием от аналогичных латинских (и некоторых других индоевропейских) форм можно считать то, что в иврите отрицательный компонент выражения запрещения исторически является либо служебным словом (אֵל), либо и служебным словом, и омонимичной ему отрицательной формой бытийного глагола (אֵין), и в рассматриваемом сочетании отдельной смысловой нагрузки не несёт. В латинском же языке модальный глагол *nolo* («не хотеть») в аналитической форме отрицательного императива, на наш взгляд, частично сохраняет своё первоначальное значение и преобразует внутреннюю семантику отрицательной конструкции из запрета на уровне действия («не делай») в запрет на уровне желания («не желай делать»). В иврите этого не происходит.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бенвенист Э. Индоевропейское именное словообразование. – М., 1955. – 260 с.
2. Габинский М.А. Возникновение инфинитива как вторичный балканский языковой процесс (на материале албанского языка). – Л., 1967. – 280 с.
3. Гранде Б.М. Введение в сравнительное изучение семитских языков. 2-е изд. – М., 1988. – 439 с.
4. Денисова Е. Абсолютный и склоняемый инфинитивы в языке иврит // Язык иврит: изучение и преподавание. Материалы XVI ежегодной Международной междисциплинарной конференции по иудаике. Часть I. – М., 2009. – С. 52-62.
5. Каплан Г.Х. Очерк грамматики аккадского языка. – СПб., 2006. – 224 с.
6. Ламбдин Т.О. Учебник древнееврейского языка. Пер. с англ. Изд. 2-е. – М., 2000. – 510 с.
7. Латинский язык. Учеб. для пед. ин-тов / Под ред. В.Н. Ярхо и В.И. Лободы. / 6-е изд., стер. – М., 2000. – 384 с.
8. Языки мира: Семитские языки. Аккадский язык. Северозападносемитские языки./РАН. Институт языкознания / Ред. колл.: А.Г. Белова, Л.Е. Коган, С.В. Лезов, О.И. Романова. – М., 2009. – 840 с.

УДК 81

Минин А.Н.

Московский гуманитарный институт им. Е.Р. Дашковой

**К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДЕ ВОЗВЫШЕННОЙ ЛЕКSIКИ
С ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ КОННОТАЦИЕЙ***

A. Minin

Princess E.R. Dashkova Moscow Humanities Institute

**MATTERS CONCERNING TRANSLATION OF POSITIVELY
CONNOTATED ELEVATED SPEECH**

Аннотация. В статье рассматриваются особенности перевода художественной литературы и проблемы передачи возвышенной лексики положительной направленности на примере произведения У.М. Теккерера «Виргинцы». Предлагаются основные точки зрения на проблему адекватной передачи подлинника и стилистики художественного перевода. Проводится сравнительный анализ двух переводов Ст. Вольского (1936 г.) и И. Гуровой (1979 г.) с целью выявления оптимального способа передачи рассматриваемых единиц. В статье предложена классификация и анализ найденной в произведении языковых единиц возвышенной лексики.

Ключевые слова: коннотация, окраска, диахрония, эмоции, лексикология.

Abstract. In the article we have a look at the specifics of literature translation and problems of positively connotated elevated speech transference on the example of the novel by W. Thackeray «The Virginians». The article covers the main points of view on the matters of adequate translation and literary translation stylistics. The author does a comparative analysis of two of the Russian translations by S. Volskii (1936) and I. Gurova (1979) in order to find the optimal way of transference linguistic units. The author offers the classification and analysis of found linguistic units of elevated speech.

Key words: connotation, intensifier, diachrony, emotions, lexicology.

Практически любой язык представляет собой набор лексических систем. Для того чтобы лексически точно передать прошлую эпоху, автор сознательно обогащает текст возвышенной лексикой. Для достижения желаемого эффекта в языке художественной литературы активно используются архаизмы и историзмы, которые можно считать традиционной составляющей возвышенной лексики. Стиль речи ещё с античных времён играл важную роль.

* © Минин А.Н.